

КАНЦЕЛЯРСКИЙ ДИСКУРС И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ГОРОДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ XV-XVI ВВ.

В XV – начале XVI в. канцелярский дискурс Германии обладал высоким статусом ввиду обслуживания административно-правовой сферы. Для текстов канцелярского дискурса центральными являлись регулятивная и документирующие интенции. Официальные городские хроники, составившиеся на основе т.н. «городских» книг и также анналов, объединяли в себе такие институциональные типы дискурса, как административный, информационный и политический. Коммуникантами выступали бюргеры как типизированные личности. Сущностным признаком городских хроник являлась эксплицитная интертекстуальность.

Ключевые слова: канцелярский дискурс, историография, городская хроника, интенция, бюргер, Средневековье, ранненововерхненемецкий язык.

В XV-XVI вв. немецкий письменно-литературный язык расширяет сферу своего применения, интенсифицируются процессы развития и перестройки жанровой системы. Ведущими сферами письменности в эту эпоху признаются канцелярско-деловая и письменно-литературная традиция в широком смысле [Дубинин 2002: 110]. Последняя, однако, представляла собой неоднородное явление, объединяя такие разноплановые формации, как традиционные художественные жанры (лирика, эпос, драма) и т.н. «литература для чтения» в широком смысле. К последней относилась, например, познавательная литература, в значительной степени переводная, «народные книги», историография – по терминологии Н.Р. Вольфа, «Wissensliteratur» [Wolf 1987: 10]. Стилистическим образцом для многих разновидностей повествовательной прозы служил язык официально-деловых («канцелярских») текстов, при этом, как указывала М.М. Гухман, «далеко не всегда стилистические особенности закреплены за определенными жанрами письменности» [Гухман 1984: 50].

Целью статьи является анализ векторов генезиса и развития основных жанров немецкоязычной «городской» историографии, прежде всего городских хроник, складывавшихся на основе канцелярской (или, шире, официально-деловой) письменности. Актуальность исследования историографических жанров связана с их популярностью в рассматриваемую эпоху, одним из свидетельств чего является их широкая представленность в репертуарах «бюргерских» библиотек XV-XVII вв. [Kleinschmidt 1982: 116].

Материалом исследования послужили 6 репрезентативных городских хроник XV-XVI вв. верхненемецкого ареала, при этом в центре внимания оказываются «официальные» хроники, т.е. созданные по заказу городского совета. Это две бернские хроники: К. Юстингера [B2], Бернская хроника В. Ансхельма [B1], а также Нюрнбергская хроника З. Майстерлина [N]. Для сравнения привлекаются тексты трех «частных» хроник, т.е. не связанных с городскими институтами. Это хроника Ф. Цорнаг из г. Вормса, хроника г. Майнца, автором которой считается Н. Райзе, хроника г. Аугсбурга П.Майра. Официальные хроники мы рассматриваем как репрезентантов канцелярского дискурса, анализируя их жанрово-стилистические характеристики с учетом коммуникативно-прагматических факторов, т.е. ситуации коммуникации, их авторов и реципиентов. Мы исходим из дискурсивного подхода, в центре которого стоит понимание дискурса как текста в ситуации реального общения [Карасик 2002].

В раздробленной Германии XIV-XV вв. продолжался процесс усиления власти территориальных князей, вследствие чего их резиденции превращаются в административные центры с канцелярией как органом управления. Параллельные процессы протекают в этот период в крупнейших имперских городах – Нюрнберге, Аугсбурге, Кельне, Базеле и др. [Wolf 2004: 108]. Начиная с XIII века, происходит постепенный отказ от латыни в пользу немецкого языка, расширяется жанровый репертуар канцелярского дискурса. Этот исторический тип дискурса объединял административный, правовой и деловой дискурсы, обладая, кроме того, отдельными чертами информационного дискурса. Высокий статус канцелярского дискурса в позднее Средневековье (вплоть до на-

чала XVI в.) был обусловлен, прежде всего, влиятельностью соответствующих субъектов политики, т.е. городов или князей, интересы которых обслуживала канцелярия [Steppuhn 1972: 128].

Канцелярский дискурс являлся дискурсом институционального типа, т.е. специализированной клишированной разновидностью общения между людьми, которые должны общаться в соответствии с нормами данного социума [Карасик 2016: 22]. Конститутивным признаком текстов этой сферы являлась стилевая однородность, формульность и клишированность. Если исходить из классификации ранненововерхненемецких (далее – *рнвн.*) текстов по авторской интенции, предложенной О. Райхманом и К.П. Вегера [Reichmann 1996], то ядро канцелярского дискурса образовывали социально-регулятивные (источники права и делопроизводства) и документирующие тексты («городские книги», протоколы, урбарии, анналы и т.д.). Сложнее решается вопрос об отнесенности хроник: хотя указанные авторы включают их в группу документирующих текстов, однако в «Грамматике рнвн. языка» хроники вынесены в отдельную группу хроникально-информативных источников [Frühneuhochdeutsche Grammatik 1983: 115]. Связано это с наличием у хроник по меньшей мере двух функций – документирующей и информирующей, соотношение которых могло меняться разных текстах.

В формировании языковых характеристик канцелярского дискурса нельзя недооценивать роль городских писцов. Как правило, это были люди с хорошим (обычно – юридическим) образованием, нередко занимавшиеся собственной научной или литературной деятельностью. В качестве примера можно привести такие значимые фигуры, как Й. Роте в Эрфурте или Н. фон Виле в Эслингене [Eggers 1986: 41].

Институтами, в рамках которых складывались жанры административно-правовой письменности, являлись городской совет и городская канцелярия. Из многообразия канцелярских текстов наибольшее значение для развития историографических жанров, «городских» по происхождению, имели т.н. «городские книги» (Stadtbuch, также *liber civitatis*), выполнявшие документирующую функцию. Они появились еще в XIII веке и вплоть до середины

XIV века велись на латыни. Как правило, городская книга включала такую информацию, как налоговые списки, финансовые отчеты, заметки административного характера, копии грамот, хроникальные записи [Klötzer 1990: Sp. 1849]. Их значимость для административной сферы объяснялась удобством формы, информативностью и достоверностью содержания. Вплоть до XV века городские книги велись городскими писцами, приносившими присягу верности совету, а затем эта обязанность перешла к публичным нотариусам и синдикам [Geuenich 2000: 19-20].

Другим жанром канцелярского дискурса, важным для развития городской историографической традиции, являлись реляции (Relation, Bericht). Они были посвящены описанию важнейших для города событий (военные действия, внутригородские восстания, смена власти и т.п.). Примером подобных сочинений являются «Das nuwe boich» (1396 г., Кёльн) или «Etliche Geschicht» (Нюрнберг, XV в.). По стилю эти тексты близки к канцелярским актам, однако могли достигать внушительного объема [Menke 1958: 39]. Основной функцией реляций являлось документирование, поэтому они обладали значительной ценностью как источники. Реляции оформлялись в виде отдельной рукописи, хранились в архивах совета, либо интегрировались в городские книги (в случаях, если были невелики по объему) [Wriedt 2000: 47].

Старейшим жанром городской историографии были анналы, изначально составлявшиеся на латыни и нередко примыкавшие к городским книгам (в этом случае они именовались Ratsannalen, Chronikalien der Ratsbücher). Они представляли собой краткие годовичные записи о наиболее важных городских событиях, но связная повествовательная структура отсутствовала. Если в течение года вносилось несколько записей, то они присоединялись друг другу механически, с помощью клишированных формул наподобие «in dem selben jahr», «mainde» и т.д. [Menke 1958: 44]. Интересно, что подобные анналы (Jahrbücher) с XIV века велись и частными лицами, что свидетельствовало об интересе бюргеров к локальной истории, осознании ими значимости городских событий. Основными функциями обоих типов анналов являлось документирование и информирование. В зависимости от интересов,

статуса, информированности автора тематика могла ограничиваться происшествиями внутри городских стен (пожары, строительство, судебные процессы, социальные волнения) или включать «внешние» сюжеты (войны, междоусобицы, события в других землях и т.п.).

Многие историографические сочинения позднего Средневековья носят название «*krönik*». В эпоху классического Средневековья хроника понималась как жанр, т.е. литературное произведение, конститутивными признаками которого являлась хронологическая последовательность описываемых событий и указание причинно-следственных связей между ними [Schmale 1985: 115-116]. В позднем Средневековье границы этого жанра размываются, а современники перестают различать анналы и хроники, воспринимая последнюю не как жанр, а как письменную фиксацию памяти. При этом последние историографические сочинения получают жанрово неопределенное наименование «*buch*». Это могло означать как литературное произведение, так и рукописный свиток (кодекс) для внесения регулярных записей по типу анналов [Menke 1958: 51].

Центральным жанром городской историографии считаются т.н. городские хроники, т.е. сочинения, посвященные истории города в достаточно широком контексте истории империи (при этом временная перспектива могла составлять нескольких сотен лет или ограничиваться одним-двумя поколениями). Официальные хроники создавались по заказу совета, как правило, городскими писцами или представителями «городских» монашеских орденов, т.е. францисканцами и доминиканцами, доказавшими свою образованность и благонадежность. Как правило, эти тексты примыкают к традициям прежних «универсальных», или «всемирных», хроник, ведущих начало от сотворения мира и укладывающих мировую историю в традиционную схему четырех монархий и переноса империи [Menke 1958: 108]. Исследователи объясняют это потребностью оформить повествование по традиционной структуре: по замечанию П. Йоханека, абсолютно изолированное изложение локальной истории было не типичным [Johaneck 1986: 305]. В качестве примера можно назвать страсбургскую хронику

Кенигсхофена или хронику г. Гмюнд. Нередко монашеские орденны получали заказ на написание городской хроники именно в традиции «всемирных» хроник [Wriedt 2000: 34].

Реципиенты хроник (как клиенты соответствующего дискурса) распадались на две неравнозначные группы. С одной стороны, это ратманы, т.е. члены института, заказавшего создание хроники – городского совета. Следует учитывать, что многие официальные хроники изначально предназначались только для внутреннего «потребления», т.е. зачитывания на заседаниях совета, что должно было способствовать выработке чувства сопричастности к судьбам города и обязывало к проведению единой политики [Menke 1958: 27]. Доступными широким слоям бюргерства такие хроники становились лишь позднее. Так, хроника Нюрнберга, написанная З. Майстерлином в 1488 году, проделала этот путь уже после 1520 года [Schneider 2000: 201].

Другой группой реципиентов являлись все городские бюргеры: так, в переломные моменты городской истории выдержки из хроник зачитывались на площадях и в залах собраний, что соответствовало практике коллективного чтения, распространенной в Средневековье. Интенцией организаторов такого чтения – или агентов дискурса – являлось не столько информирование адресатов, сколько легитимация городской истории, политики совета и существующих институтов. Поскольку легитимация связана со стремлением сохранить политическую власть, в данном случае следует говорить о пересечении политического и информационного дискурсов. Им соответствовали такие функции хроникальных текстов, как легитимация и информирование.

Примечательно, что информирующей функции хроник присуща и дидактическая компонента. Так, З. Майстерлин следующим образом формулирует мотив создания своего произведения: *«ich bin in hoffnung, das es in künfftig zeit wird unseren nachkommen <...> merung der weisheit, ein meister der jungen leben, ein spiegel der tugent»* [N.: 34]. Наставление читателей / слушателей в добродетели и мудрости характерно для Позднего Средневековья и, таким образом, отразило элементы религиозного дискурса.

В процессе коллективного чтения официальных хроник, которое являлось опосредованной коммуникацией между горсоветом и бюргерами, последние выступали как типизированные личности – представители городской общины, связанные клятвой соблюдать установленный правопорядок и послушание городским властям. О конститутивном значении этой клятвы для статуса горожанина свидетельствует то, что городская община (Stadtgemeinde) именовалась также Schwur- или Eidgemeinschaft. Это указывает на принадлежность жанра официальных хроник к институциональному дискурсу, системообразующим признаком которого является статусный характер его участников [Карасик 2002: 203].

Сущностная черта официальных хроник – эксплицитная интертекстуальность, т.е. включение или цитация из грамот, актов, (официальной) корреспонденции или их фрагментов. Хотя синкретизм и компилятивность были присущи многим жанрам позднесредневековой немецкоязычной литературы [Дубинин 2002: 109], для хроник интертекстуальность имела принципиальный характер, обеспечивая реализацию их центральной функции – легитимации города как субъекта права и политики горсовета. Основой легитимации служили полученные от императора привилегии, а также договоры, заключенные с территориальными князьями или с другими городами. Гарантом незыблемости правового статуса города являлся император, а существующие или потенциальные претензии князей и прочих «господ» решительно отвергались. См. характерный пример из Бернской хроники В. Ансхельма (первая треть XVI в.): «*Aus oberzältem grund ist kuntlich, dass die loblich stat Bern <...> in des Römschen keisers eigenschaft ie und ie gwesen. Dem hertzen von Zeringe, irem Stifsherrn, nit weiter verpflichtet dan so witimals beleheneten stifter <...> von sinem herrn, dem Römschen keiser, möchte gebüren*» [B1.: 14]. Эта особенность свидетельствует об «импероцентричности» менталитета германского бюргерства в отличие, например, от итальянских полисов, обладавших сознанием собственной, «гражданской» легитимности [Schreiner 1986: 272].

Хроники были посвящены, прежде всего, событиям, так или иначе связанным с городом. Их можно условно разделить на со-

бытия «внешней» и «внутренней» истории города. Первые – это, например, военные действия, в которых принимали участие городские отряды, переговоры с императором или князьями, заключение торговых или военных соглашений или союзов, рейхстаги. Вторые – это события внутри городских стен: криминальные происшествия, пожары, стихийные бедствия, эпидемии, социальные волнения и т.п. В интересах заказчика, т.е. горсовета, хронист мог прибегать к откровенным искажениям фактов и подтасовкам. Показательна в этом плане Нюрнбергская хроника З. Майстерлина, монаха-бенедиктинца с гуманистическим образованием. Ради повышения статуса Нюрнберга он «отодвигал» основание города в далекое прошлое, сочиняет легенду о посещении города Карлом Великим, упоминая целый ряд рейхстагов, якобы имевших место в Нюрнберге [N.: 44, 60]. О цеховом восстании 1348-1349 гг. он повествует тенденциозно, используя искажения, чтобы выставить цеха в негативном свете, легитимируя политику патрицианского совета [N.: 128-153].

Характерно, что история воспринималась хронистами как повторяющаяся и циклическая, о чем говорит такая фраза бернского хрониста К. Юстингера, формулирующая один из мотивов написания хроники: «<...> *umb daz man von der ergangnen Sachen <...> die gegenwürtigen und künftigen sachen dester bas wisse ze handeln*» [B2.: 3].

Языки стиль хроник опирались на традиции канцелярской письменности, но во многом зависел от идиолекта их автора. Мы выделяем следующие черты структуры и стиля хроникальных текстов: для макроструктуры хроник характерна принципиальная незамкнутость, т.к. многие из них были рассчитаны на продолжение. Одно из известных исключений – хроника Майстерлина, созданная в 1488 г., но завершающаяся 1347 годом. Текст обычно членится на главы, каждая из которых посвящена определенному событию, называемому непосредственно в заголовке. См. примеры из хроники К. Юстингера: «*Daz bern mit krieg vast beladen wart*» [B2: 17], или «*Daz keyser heinrich vergift wart*» [B2: 43], «*Von dem grossen erdbideme*» [B2.: 122].

В большинстве хроник абзацы открываются формулой-зачином временной семантики в различных синтаксических вариациях, например, *Anno Domini*, *Do man zahlte von Gottes geburt <...>*, *uf den Tag <...>*. Как правило, абзацы в хрониках монотематичны и соединяются с предтекстом при помощи традиционного наречия *da(r)nach* или указания даты. Коннекторами между пропозициями служат наречия *da(r)nach*, *demnach*, *nachdem*, *da/do*, *nu* и союз *und*, нередко сочетающийся с одним из этих наречий или с союзом *als*. Ср. примеры из хроник Юстингера и Ансхельма: «*Und als ouf obgemeldten Tag*» [B1.: 44], «*Darnach uf die zite nach hertzog berchtols tode von zeringen*» [B2.: 17], «*Do nun die von bern sin ungenade erkanden*» [B2.: 17], «*Als er nu bed stette in siner hand hatte*» [B2.: 19]. При этом можно говорить о некоторой «размытости» значения союзов *und* (основное значение «и, также») и *als* («когда»), выражающих хронологически-аддитивные отношения.

В рассмотренных хрониках во многих главах, прежде всего, достаточно крупных (объемом в несколько страниц) можно выделить заключительную часть. Она резюмирует соответствующий раздел, абзац или главу и открывается союзом *und*, наречием *also* или их сочетанием, ср.: «*Und also zoch der künig mit siner macht von dannan*» [B2.: 32], «*Und also zugen die Künutzer ab <...>*» [B1.: 426]. У З. Майстерлина концовка может оформляться в виде эксплицитного сигнала, например: «*So vil von dieser stat kleglichener störung und schedlich verlirung aller alten, guten herkomen*» [N.: 90].

Принадлежность официальных хроник к канцелярскому, т.е. административно-правовому дискурсу, отражается в частом обращении к канцелярским формулам, к клише и терминам. Приведем примеры из хроники Юстингера: формулы «*Es ist je kuntlich, daz <...>*», «*dienstliche und verbundne wise*»; канцеляризмы: *g(e)schrift*, *in(ge)sigel*, *missive*, *tegding*, *vorgenant*, *obgemelt*. Весьма частотны парные сочетания из официально-делового узуса, употребляющиеся для максимального охвата содержания понятия, например: *ungunst und ungnade*, *lip und gut*, *bit und beger*, *friheit und gnad*, *wissen und willen*, *lob und ere* и др. В этой связи можно гово-

речь о таких стилистических чертах хроникальных текстов, как изобразительная информативность и «деловитость» (*Sachlichkeit*).

В эту же эпоху параллельно с официальной хронистикой развивались и т.н. частные городские хроники. Своим возникновением они обязаны прежде всего интересу к локальной истории, характерной для высшей прослойки бюргерства XV-XVI вв. [Schneider 2000: 197]. Их авторы, как правило, также занимали официальные должности в каком-либо городском институте (это бургомистр г. Майнца Н. Райзе, член горсовета Аугсбурга П. Майр, ректор городской школы г. Вормса Ф. Цорн), однако свой труд они создавали исключительно по своей инициативе. Соответственно, изложение в этих хрониках менее тенденциозно, а автор мог позволить себе критический взгляд на городскую политику. Адресатами этих текстов являлся ограниченный круг знакомых и друзей, и, если такие хроники обладали историографической или художественной ценностью, то их копии пополняли библиотеки зажиточных бюргеров. Так, хроника Вормса сохранилась в восьми экземплярах (списках) [Arnold 1969: 4].

О функции легитимации для частных хроник говорить не приходится: основная функция этих текстов — информирование, а вторичные их функции — документирование и развлечение. Поэтому они репрезентируют только информационный тип дискурса. Автор здесь выступает не как представитель административных структур, а как рядовой бюргер, пусть даже с высоким статусом.

Отличается и временной горизонт частных хроник: поскольку события ранней истории города их авторы не всегда могли узнать с достаточной полнотой ввиду отсутствия доступа к архивам совета, то описываются преимущественно события, имевшие место в период жизни автора (т.н. *Zeitgeschehen*) [Schneider 2000: 200]. Информационная насыщенность таких текстов определялась общественным положением и широтой кругозора их авторов. Фиксировались не только внутригородские происшествия, но и сведения из других земель, которые авторы получали через общение с приезжими, деловыми партнерами, на рынке, в таверне.

Структура частных хроник отличается от официальных хроник также меньшей интертекстуальностью — вплоть до ее отсутствия. Авторы, даже интересовавшиеся «внешнеполитической»

жизнью родного города, часто не имели необходимого доступа к «*statkisten*» (т.н. архивам горсовета) и многим фактам.

Стиль частных хроник определялся главным образом авторским идиостилем и зависел от степени образованности создателя и его «литературного» навыка. В целом язык этих произведений был более «свободен», менее скован канцелярским узусом, которому нередко следовали – даже непроизвольно – авторы официальных хроник.

Таким образом, официальные и частные городские хроники, различаясь своим генезисом и основной интенцией, являлись презентантами разных типов дискурса: официальные – канцелярского, а частные – информационного. При этом для официальных хроник было характерно пересечение / интерференция с политическим, информационным и даже с религиозным дискурсами. Возникнув из потребности к политической легитимации города как субъекта права, экономики и политики, проводимой городским советом, официальные хроники представляли собой, по сути, переходный жанр между канцелярской письменностью и познавательной литературой, бурно развивавшейся в рассматриваемую эпоху. Тогда как частные городские хроники, возникшие из познавательного интереса к истории, характерного для бюргерства позднего Средневековья и раннего Нового времени, с полным основанием можно отнести к литературе для чтения в широком смысле.

Библиографический список

1. Гухман М.М., Семенов Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
2. Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего средневековья. Юго-западный ареал. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 199 с.
3. Дубинин С.И. Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья: дисс. ... д-ра филол. наук. – М.: МГУ, 2002. – 536 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 403 с.

5. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. – С. 17-34.
6. Arnold W. Einleitung. Wormser Chronik von F. Zorn mit den Zusätzen F. von Flersheim / Hrsg. von W. Arnold. – Amsterdam: Rodopi, 1969. S. 1-10.
7. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. – Hamburg: Rohwolt, 1986. Band 2: Das Frühneuhochdeutsche. 441 S.
8. Frühneuhochdeutsche Grammatik / Hrsg. von O. Reichmann und K.-P. Wegera. – Tübingen: Niemeyer, 1983. 478 S.
9. Geuenich D. Was sind eigentlich Stadtbücher? Versuch einer Definition // Stadtbücher als namenkundliche Quelle. – Stuttgart: Steiner, 2000. S. 17-29.
10. Johaneck P. Weltchronistik und regionale Geschichtsschreibung im Spätmittelalter // Geschichtsschreibung und Geschichtsbewusstsein im Spätmittelalter / Hrsg. von H. Patze. – Sigmaringen: Thorbecke, 1986. S. 287-330.
11. Kleinschmidt E. Stadt und Literatur in der frühen Neuzeit. – Köln: Böhlau, 1982. 415 S.
12. Klötzer W. Stadtbuch // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte / Hrsg. von A. Erler und E. Kaufmann. B. IV. – Berlin, 1990. Sp. 1849-1851.
13. Menke J. Geschichtsschreibung und Politik in deutschen Städten des Mittelalters. – Köln: Verlag der Löwe, 1958. 194 S.
14. Reichmann O. Autorenintention und Textsorte / Textsorten im Sprachwandel, nach der Erfindung des Buchdrucks / Hrsg. von H. Wellmann. – Heidelberg: Winter, 1996. S. 119-133.
15. Schmale F.-J. Funktionen und Formen mittelalterlicher Geschichtsschreibung. Eine Einführung. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. 223 S.
16. Schmidt H. Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses im späten Mittelalter. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1958. 147 S.
17. Schneider J. Typologie der Nürnberger Stadtchronistik um 1500 // Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit / Hrsg. von P. Johaneck. – Köln: Böhlau, 2000. S. 181-204.
18. Schreiner K. Sozialer Wandel im Geschichtsdanken und in der Geschichtsschreibung des späten Mittelalters // Geschichtsschreibung und Geschichtsdanken im Spätmittelalter / Hrsg. von H. Patze. – Sigmaringen: Thorbecke, 1986. S. 237-286.

19. Steppuhn U.D. Ansätze einer sozial-wissenschaftlichen Betrachtung des Frühneuhochdeutschen // Zur Entstehung des Neuhochdeutschen / Hrsg. von I.T. Piirainen. – Bern – Frankfurt/Main, 1972. S.111-129.

20. Wolf N.R. Einleitung // Wissensorganisierende und wissensvermittelnde Literatur des Mittelalters // Hrsg. von N.R. Wolf. – Wiesbaden: Reichert, 1987.S.9-22.

21. Wolf N.R. Das Deutsch des Spätmittelalters (1250-1450). Das Deutsch der frühen Neuzeit (1450- 1650) // Geschichte der deutschen Sprache / Begr. von W. Schmidt. Red. von H.Langner und N.R. Wolf. – Stuttgart: Hirzel, 2004. S.101-120.

22. Wriedt K. Bürgerliche Geschichtsschreibung im XV und XVI Jh. / Städtische Geschichtsschreibung im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von P. Johaneck. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2000. S.19-50.

Источники

1. A2. – Zwei Chroniken des Augsburgers Ratsdieners Paul Hektor Mair / Hrsg. von K. Hegel. Bd. 32. – Leipzig, 1917. S. 1- 397.

2. B1. – Die Berner Chronik des V. Anshelm. 6 Bde. / Hrsg. vom Historischen Verein des Kantons Bern. – Bern, 1884-1901.

3. B2. – Die Berner Chronik des C. Justinger / Hrsg. von G. Studer. – Bern: Verlag von K.J. Wyss, 1871. 291 S.

4. M. – Chronik von alten Dingen der Stadt Mainz // Die Chroniken der deutschen Städte / Hrsg. von K. Hegel. Bd. 17. – Leipzig, 1881. S.1-352.

5. N. – S. Meisterlins Chronik der Reichsstadt Nürnberg // Die Chroniken der deutschen Städte / Hrsg. von K. Lexer. Bd.3. – Leipzig, 1864. S. 1-178.

6. W. – Wormser Chronik von Friedrich Zorn. Mit den Zusätzen F.B. von Flersheim / Hrsg. von W. Arnold. – Amsterdam, 1969. 277 S.

A.E. Dunaev (Russland, Samara)

KANZLEIDISKURS UND ENTWICKLUNG DER STÄDTISCHEN HISTORIOGRAPHIE IN DEUTSCHSPRACHIGEN LÄNDERN IM XV. UND XVI. JAHRHUNDERT

Ende des XV. – Anfang des XVI. Jahrhunderts kam dem Kanzleidiskurs im Heiligen Römischen Reich eine hohe Bedeutung zu, da er den Bereich der Verwaltung und Justiz bediente. Bei den kanzleisprachlichen Texten standen die sozial bindende sowie dokumentierende Intentionen im Mittelpunkt.

Offizielle Stadtchroniken, die auf Grundlage der amtlichen Stadtbücher und Annalen abgefasst wurden, repräsentierten institutionelle Diskurstypen, und zwar Diskurse der Verwaltung, Politik sowie den Informationsdiskurs. Als Kommunikanten fungierten Bürger als typisierte Persönlichkeiten. Wesentliches Merkmal der Stadtchroniken stellte ihre explizite Intertextualität dar.

Schlüsselwörter: *Kanzleidiskurs, Historiographie, Stadtchronik, Intention, Bürger, Mittelalter, Frühneuhochdeutsch.*

УДК 811.11-112

Ю.В. Нестерюк (Россия, Самара)

СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРСОНАЛЬНОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРВЬЮ: МОДЕЛЬ «АЙСБЕРГ»

Коммуникативное взаимодействие в СМИ в рамках персонального немецкоязычного интервью может быть представлено с помощью т. н. «модели айсберга». В статье рассматривается, каким образом и зачем коммуникативные партнеры по интервью могут вывести этот «айсберг» из состояния равновесия.

Ключевые слова: *коммуникативное взаимодействие, коммуникативные стратегии и тактики, модель «айсберга», персональное интервью, СМИ, немецкий язык.*

В данной статье мы придерживаемся точки зрения, что цель лингвистического исследования состоит в рассмотрении фактических процессов коммуникативного взаимодействия и в учете предпосылок этого взаимодействия [Wunderlich 1976: 14]. Так, для анализа коммуникативной деятельности в персональном интервью мы прибегаем к комплексной методике анализа коммуникативного поведения в интервью [Нестерюк 2017: 69-72].

Интересным в контексте исследования представляется определение понятия «коммуникация» в концепции Олафа Гераманиса. Рассматривая процессы взаимодействия в группах, автор ссылается к определению понятия "communicatio" в латинском языке, которое означает «сообщение», «единение», «общность», и отме-